

Максим Викторович Медоваров

Завершить доклад я бы хотел стихотворением такого выдающегося русского писателя, поэта XX века, настоящего гения крестьянской литературы, как Пимен Карпов, который в одном из своих стихотворений, посвященных России, писал:

*«И все края, все страны научи
Твоей, о Русь, науке пляски звездной».*

Вот если мы научим этой пляске звездной все народы и весь мир, тогда русская идея осуществится, на мой взгляд.

Доклад 57. Метамодерн – время Севера

Павел Михайлович Пискарев

Доктор психологических наук, профессор. Основатель Института Психологии Творчества, председатель совета директоров Международной Ассоциации НейроГештальт.

Идея в том, что теорию можно изложить единым образом, и то, что я хочу вам предложить, – это интегрирующий принцип, интегрирующая идея, которая, в общем-то, является образной и интуитивно понятной и содержит в себе все возможные противоречия, а также диалектические и метафизические подходы к философии. В русских философских словарях понятие «идея» согласовывалась со смыслом «понятия», то есть идея, в конце концов, это одно слово, это что-то такое, что является ключом к открытию мира. Платон характеризовал идею как реальность и достояние души. Интересно, что об идее думали разные люди, и Гегель говорил (и это очень любопытно для того, что мы сейчас обсуждаем), что идея есть совпадение субъекта и объекта. То есть это то состояние, где различие между субъектом и объектом пропадает, по большому счету это парадигма, к этой парадигме мы сегодня еще раз подойдем. Для меня очень важна идея с точки зрения толкования Фихте, как человека, который, может быть, первым упомянул человека в классической философии, в этом смысле развернул всю философию в сторону психологии, в общем-то, сделал философию субъективной.

И конечно же, мы вспоминаем о том, что идея – продукт воображения, и великого Эрнста Кассирера, который, в принципе, сказал, что идея – результат работы воображения. Поэтому сегодня представьте себе, всё, что я вам буду сегодня рассказывать, – это то, что следует осознавать через представление. «Представьте себе» – для кого-то это фантазия, для кого-то мечта, кто-то уже увидит в этом план. Расскажу и о том, как это реализуется. Очень важно, если мы обращаемся к словам, увидеть и пронаблюдать некоторую вещь, которую я хочу показать. Посмотрите, пожалуйста: «знак, символ, фраза, образ» – я сейчас говорю

о некоторых лингвистических объемах, которые почему-то разнятся по масштабу, чуть позже к этому подойду.

Что еще хорошо, русская идея принципиально авангардна, по крайней мере из тех идей русской философии, русского бытия, которые приобрели массовое, глобальное значение, живы и сохраняются прежде всего идеи авангарда. Вот интересно, что Сен-Симон в свое время определил авангард как социальное явление, которое состоит из тройственного союза рабочего, ученого и художника. Мы говорим о тройственности на то предложение, которое выносим, оно сегодня квадратично, идея авангарда, которую я вам предлагаю для русской идеи третьего тысячелетия, может быть, вообще какой-то идеи, которой суждено изменить жизнь человечества в третьем тысячелетии, эта идея квадратична. В этом смысле то, что я буду говорить, связано с идеей квадратичности. Русская идея целостна, русская идея тотальна, потому что она квадратична, русская идея способна говорить о едином, потому что она квадратична. Чтобы упомянуть русских авангардистов, которые в целом квадратичны, мы можем сказать, что авангард – принципиально освобождающая, харизматическая функция, несущая в себе энергию освобождения. В этом смысле главные русские авангардисты – маэстро Малевич, который освободил цвет, Василий Кандинский, который освободил форму, Павел Филонов, который освободил плоскость, я скромно ставлю себя рядом, будучи художником, человеком, который освободил линию. Русская идея, конечно же, излагается на русском языке, более того, можно сделать несколько удивительных умозаключений, веселых, забавных умозаключений, которые говорят о том, что все, что обрело форму в русском языке, стало русским, потому что русский язык имеет свойство впитывать в себя все инородное, с любопытством, жадно, экспансивно впитывать в себя все инородное, перерабатывать, транслировать и давать новое звучание. Все, что обрело форму в русском языке, все, что впервые увидело свет, явилось на свет через пространство русского языка, является исконно русским, в том числе то, что я сегодня докладываю, является исконно русской идеей, которая в этом смысле, может, будет близка и любопытна философскому собору. Конечно же, говоря о русском языке, его значении для того, что мы называем русским собором русской философии, нельзя не вспомнить Владимира Ивановича Даля, который говорил, что с языком шутить нельзя, ибо словесная речь человека – это видимая связь, звено между душой и телом, к этим четырем категориям тоже сегодня еще подойдем.

Четверичность, квадратичность – это архетип, который проявляется универсально. Как исследователь, может быть, последний иссле-

дователь Запада, который сохранил Бога в эпоху постмодерна, предлагает нам видеть божественное, предлагает нам двигаться крайне последовательно, через четверичность, потому что она является логической предпосылкой всякого суждения о целостности. Если утверждать тезисно, что русская идея целостна, то, конечно, надо определить эту четверичность. Посмотрите, пожалуйста, на схему, которая сейчас перед вами на экране. Она состоит из четырех частей. Собственно, эта схема и является той идеей и тем единственным аргументом ко всем тезисам, о которых сегодня я буду говорить, и можно о них говорить бесконечно долго, но она является единственным аргументом, который позволяет нам идею признать как действующий инструмент, потому что идея – это всегда инструмент для решения каких-либо задач. Эта идея позволяет задачу определить, определить место задачи, инструмент для решения задачи, в том числе найти здесь ответы на те задачи, которые перед нами стоят. Ведь в принципе мышление существует как прикладная функция в жизни человека, для того, чтобы жить, чтобы жизнь вообще превратить в уникальную жизнь. Идеальная завершенность выражается кругом. Четверичность (это, кстати, очень важный признак четверичности, который замечают и декларируют психологи) имеет структуру «3+1». Эта структура означает, что всегда что-то одно остается малозаметным, и это самое малозаметное является той функцией, которой человек не может воспользоваться по причинам управления объемом внимания, и вот эта четвертая величина является ключом, детонатором к определению целостности. Поэтому определение четвертого является поиском в нашей задаче.

Модель, которую я вам сегодня предлагаю, посмотрите, пожалуйста: справа четыре квадранта, четыре сегмента. Первый из них начинается в правом верхнем углу, по часовой стрелке, и есть некоторые два типа движения, одно движение естественное и понятное нам по арифметической логике 1, 2, 3, 4 – движение по часовой стрелке. Есть и обратное движение, с первого квадранта в четвертый. Что же это такое? Хочется вспомнить теорию хологенеза, это автогенетическая теория эволюции, которая говорит о том, что все живое распространяется в пределах своего ареала двумя способами: делится на два дочерних вида, и один вид двигается от начала к эволюционному завершению ускоренно и просто, а другой вид двигается замедленно и сложно. Что же это значит? Мы видим два пути развития человечества, и русская идея, идея глобальная, экспансивная, которая дает нам возможность ускоренно и просто двигаться, те периоды жизни, все состояния, которые определяют наше качество жизни простым и легким путем. В то время как в целом эволю-

ция, которая движется рационально и последовательно, движется замедленно и сложно. Вот этот кризис сложности мы, в общем-то, сейчас цивилизационно и проживаем. Если смотреть на эту модель чуть более пристально, то можно посчитать ключевые слова. То есть в этой модели существует верх, которым определяется номинальный мир, – это первый и четвертый квадрант. Изучаем низ, который определяет аналитический мир, – это второй и третий квадрант. Первый и четвертый являются прошлым и будущим, а второй и третий квадрант являются настоящим. То есть русская идея содержит в себе связь времен, которая понятна одноразово, просто одним взглядом. Она содержит в себе всю линию времени, которая может быть заключена в одном образе, и в том числе выстраивает возможность строить, вычислять, анализировать, моделировать отношения между прошлым, настоящим и будущим. При этом интересно, что мир настоящего разделен, мир настоящего – это второй, третий квадрант, это аналитический мир. Мы говорим о том, что существует настоящее внутреннее и настоящее внешнее, которое определяет напряжение, дихотомию жизни. Напряжение внутреннее, человеческое, субъективное по отношению к объекту, и всякий раз, когда меняются устойчивые отношения между внутренними и внешним, человек переживает субъективное беспокойство, что, в общем-то, в феноменальном мире не присутствует, то есть мир прошлого мир, мир премодерна, и мир будущего, мир метамодерна – это время, лишенное беспокойства, это время, лишенное того, что делает нас людьми приземленными, это время того, что делает нас людьми возвышенными, существами божественного происхождения.

Очень важно, что в этой схеме можно увидеть, что существует система переходов. Например, движение с первого во второй называется «сепарация», и очень важно увидеть, что обратного движения не существует. Те, кто вышли из первого квадранта во второй, вернуться уже не могут, нельзя вернуться в прошлое, но движение между вторым и третьим возможно, достаточно такое свободное, я бы сказал, невротическое движение. С другой стороны, существует движение из первого в четвертый, а также из четвертого в третий. То есть можно из будущего войти в настоящее. Мы еще к этой схеме вернемся, будем в ней разбираться. Я предлагаю всё, о чем я буду сегодня говорить и показывать, наблюдать через эту схему.

Прежде, чем мы продолжим изучение самой схемы, следует вспомнить кое-что из естественных наук. Великий Яков Григорьевич Синай, российско-американский физик, специалист в теории динамических систем, определил теорию фаз, теория говорит о различиях фазовых состояний, всё

это просто, мы все это изучали на физике в пятом классе, это твердое тело, другое фазовое состояние вещества – жидкое тело, газообразное тело и горение, плазма. Самое интересное, что стоит наблюдать современному человеку, в частности физики, это наблюдать переходный между фазовыми состояниями момент. То время, в котором мы сейчас живем, это время фазового перехода. Это достаточно старая мысль, об этом говорит много наших коллег, катаклизмы, которые сейчас происходят как в русском мире, так и в мире вообще, сопряжены с моментом фазового перехода. Но что же такое фазовый переход с позиции социокультурной, с позиции философской?

Сейчас мне хочется дать ссылку на прекрасного, я бы сказал, уже великого нашего современника, философа Дугина Александра Гельевича, который, в общем-то, определил понятие «парадигма», через которое я хочу с вами сегодня разговаривать. Парадигма – изначальное значение слова «парадигма» образовано от греческой приставки «рага», что означает «через, сверху, около», очень сопряжено с приставкой «мета». Смысл термина заключается в том, что парадигма – это состояние, которое описывает сразу две философские реальности, онтологию и гносеологию, можно добавить сюда, что парадигма включает в себя антропологию, потому что в каждой новой парадигме мы встречаем и живем с новым типом человека, онтологию и гносеологию, бытие и сознание, две вещи, которые в философии противопоставляются. Парадигма – это нечто, что предшествует различению области бытия и области познания. Представим схему, где онтологические и гносеологические аффирмации еще неразрывно слиты, грубо говоря, в парадигме нет разделения на объект и субъект, соответственно на метод, который их объединяет и разделяет. Сегодня мне хочется дополнить идеи Александра Гельевича Дугина о трех парадигмах четвертой парадигмой, которую я называю русской идеей. Четвертая парадигма, парадигма севера, называется метамодерном. Принципиально Александр Гельевич предложил в своих работах интересное видение, кстати через осмысление теории воображения, интересное видение, что парадигмой в социокультурном смысле мы можем называть понятие «модерн», корневым словом является «модерн», и четыре парадигмы, через которые мы осмысливаем жизнь цивилизации, жизнь всего сущего. Жизнь всего сущего протекает в парадигмах, четырех этапах, четырех состояниях, четырех одновременно существующих реальностях. И эти реальности образованы от понятия «модерн».

Как мы можем их понимать? Первая парадигма цивилизации – это Восток, что видно здесь на схеме. Восток – это не просто географическое

понятие, это некоторый архетип, это социокультурное понятие, которое в том числе связано с идеей духовности, изначальное состояние вещества, твердое, консервативное состояние вещества называется премодерном. Это была эпоха многих десятков тысяч лет становления человека, когда человек жил в прямой связи с духом и отдельно от духа, от божественного духа, себя не определял. Может быть, человек был частью этого духа, потом человек стал сыном этого духа, но тем не менее осознавал себя частью творения единого, и в этом смысле парадигма премодерна является сакральной духовной изначальной точкой.

Модерн, каким мы его знаем, детьми или даже внуками которого мы являемся, это все-таки уже другая парадигма, она определена направлением «Юг» со всеми его характеристиками. Модерн – это весь набор институций, которые создает социальное общество, это та великая романтическая идея, которая позволила людям сепарироваться от божественного происхождения и обозначить себя отдельным видом на планете. Человек сказал: «Бога нет». Человек сказал: «Мы свободны, мы сами построим тот удивительный мир, который мы познаем». И появилось разделение между субъектами, появилось научное знание, появилась диалектика, появилось линейное время, появилось социальное государство со всеми его возможными приложениями, и появилась достаточно большая эпоха Возрождения человеческого духа, человеческого таланта, которая была построена в том числе на научном принципе. То есть на принципе разделения и сомнения. И следующая эпоха, которая началась, это модерн. Если премодерн существовал десятки тысяч лет, то модерн – это все-таки эпоха, которой хватило лет триста на то, чтобы созреть, перезреть и выразиться во что-то иное. Иное – это то, в чем мы сейчас живем, или то, в чем живет сейчас остальная планета, остальная планета скорее, чем мы. Это эпоха постмодерна, которая уже последние лет тридцать переживает очень серьезный кризис, потому что конец истории, кризис, потому что нет движения вперед, кризис, потому что нет определения будущего, кризис, потому что постмодерн дальше себя ничего увидеть не может, ибо принцип постмодерна – это продолжение принципа модерна, разделение, отделение и сомнение, сомнением невозможно проложить дорогу в будущее. Но для того, чтобы заполнить карту квадратичности, приходится найти следующие элементы, и мое предложение в идею о трех эпохах, названных выше, которые исследовали Александр Гельевич и другие философы, социологи, культурологи, это внести в русскую идею понятие «метамодерн».

Слово «метамодернизм» впервые появилось не так давно, двенадцать лет назад было определено голландским философом Робинотом

ван дер Акхером и норвежским теоретиком искусства и медиа Тимотеусом Вермуленом. Эстетическо-культурное определение метамодернизма и других «измов» – это все-таки эстетические и культурные явления, художник прокладывает свои видением дорогу в будущее, мы можем сказать, что метамодернизм проложил нам дорогу к пониманию метамодерна как социального большого сдвига, как нового фазового состояния жизни, в котором мы, в общем-то, уже находимся, и собственно базовые принципы метамодернизма можно перенести на теорию метамодерна, чтобы понять ее основные качества. А манифест метамодернизма был опубликован в 2011 году Люком Тернером. Основное свойство в том, что нет противоречий, то есть метамодерн не несет в себе противоречий, несмотря на то, что он является одной из четырех частей жизни сущего, явления сущего, метамодерн вмещает в себе всё. Метамодерн – это энергия и состояние, которое лежит между полюсами противоречий, в этом смысле является синтетической функцией, которая переводит нас к пониманию любой категории любого явления, которые способны через эту модель пересмотреть. Модель трансформировалась в некоторую книгу, то, о чем я вам сейчас говорю, называется «библия метамодерна». Существует такое определение в лингвистике, что любой язык можно освоить за тысячу слов, можно чуть-чуть иначе, шире сказать, что тысячей слов можно описать любое явление, если мы хотим описать русскую идею, если мы хотим описать полную историю всего, если мы хотим благодаря русской идее связать времена, если мы хотим увязать традицию с современностью, если мы хотим увидеть, каким существует будущее, мы можем использовать всего тысячу слов. Книга, о которой я говорю, это шестнадцать кубов, шестнадцать тем, которые определены по своим различным темам, и философии, и творчество, и психологии, и бизнес, и коучинг, и социум, духовные традиции. Каждый такой куб состоит из двенадцати граней, из двенадцати схем. Всего у нас существует более пятисот тем в нашем каталоге, в библии метамодерна существует более пятисот рамок, которые описывают ту реальность, которую мы называем социокультурным явлением.

Чтобы это выглядело и звучало научно, давайте вспомним, что некоторые категории научности нам принес еще один великий русский, потому что сказал, что все, что определено в русском языке, становится русским. Русская идея принимает всех отверженных, и в чудеснейшие для нас времена разрушения и отрицания культуры, мы можем приютить всех тех, кого, собственно, пытаются отвергнуть. Но тем не менее научный подход тоже состоит из четырех этапов: сомневайся, выдели элемент, начни в нем сомневаться, начни его дробить на части, чтобы

исследовать по частям, когда разложил на маленькие части, то структурируй, когда ты создал структуру, создавай каталог. Вот что такое наука в примитивном понимании. А если уж говорить о понимании, то вспомнить стоит другого человека, великого герменевта Дильтея, который говорит: «Чтобы что-то понять, надо сначала представить это, пережить, выразить действием, только после этого приходит понимание». Но помня работу схемы, что есть движение простое и легкое, из одного квадрата феноменологического мира из преמודерна сразу в четвертый, мы можем говорить, что представление дает нам возможность озарения, понимания, инсайта, то есть ясное представление организует нам ясное понимание процесса.

Для того, чтобы в целом понять, о чем мы говорим, я себе представил, что является несущим самый большой объем энергии сущности. Самой большой сущностью является дух. Философия духа известна нам в четырех типах философии – философия природы, философия жизни (Андрей Бергсон), это философия субъектная (от Фихте до Фрейдя), это философия объекта (Дильтей, Гуссерль), это, конечно, философия абсолютного духа. Мой учитель, профессор Владимир Васильевич Козлов, предложил движение духа в виде четырех фазовых состояний, дух законсервирован в какой-то форме, любая идея начинается с большого многолетнего накопления энергии духа. Второй тип жизни духа, вторая стадия развития духа – это экспансия. Из большого законсервированного объема, как русская идея, он стремится к экспансии, стремится быть, стремится пассионарно проявить себя. Экспансия – это свойство и качество духа, и когда экспансия проявлена, то начинается процесс трансформации. Туда, куда доходит дух, в тех местах, куда попадает дух, происходит энергия трансформации, происходят трансформационные процессы, которые ведут в целом к интеграции чего-то прежде консервативного с чем-то, что называется новое, с тем, что называется будущее. Интересно, что прошлое всегда консервативно, настоящее всегда обладает свойствами экспансии, в хорошем смысле агрессии, пассионарности, трансформации, и завершается все интеграцией прошлого с будущим, это феноменальное бытие. Любопытно, что дух и вообще это движение по кругу можно представить как воплощение чего-то огромного, что живет в очень малом, и по мере развития огромный дух пытается так наполнить малое, то есть человека, чтобы проявить себя целиком в нем, то есть эволюционное движение развития сущности – это впитывание объема и мощи духа до тех пор, пока сущность не достигнет своего духовного максимума, пока сущность снова не сольется с абсолютом.

Первичная парадигма – это парадигма холоса, преמודерн – это холос. Что объединяет все это начало, в котором по большому счету сознание еще достаточно мало, по мере развития сущности цивилизации, мы сейчас говорим о развитии цивилизации, в том, как можно ее представить через эту форму русской идеи, появляется мифос. Мифос – это растущее осознание, это представление о жизни, по большому счету представление о жизни растет и начинает впитывать в себя энергию этой жизни, когда появляется мифос, как и вложено в эпоху модерна, появляется разделение между человеком и миром, осознанием и осознаваемыми, в этом смысле мифос – это модернистская функция, это символические ряды, которые творит наш мир, но постепенно символические ряды наполнили наши каталоги, наши полки сознания таким образом, что нам требуется инструкция к применению. Ну или иначе – концентрация знания приводит нас к понятию «логос», и, соответственно, логос – это третий постмодернистский акт развития великого духа.

Логос – это концентрат знания, лишенный образа, как ни странно, потому что ключевым доступом к логосу является слово, лишенное мифологического объема. Слово, которое мы можем интерпретировать экзистенциально свободно, каждый из нас, любое слово, в этом смысле слова потеряли значение в постмодерне, слова потеряли свое место в иерархии текста, в этом смысле каждый способен расставлять слова на желаемые им места, вместо соблюдения иерархии смыслов, и смыслы придавать словам такие, как есть. По большому счету кризис постмодерна – это кризис Вавилона, когда слова потеряли свои значения. А русский топос, русский преמודернистский, северный поворот движения духа – это движение к интеграции, которая в том числе, по схеме видно, движение снизу вверх, движение, которое приводит нас от абсолютного нуля, абсолютного равноукатанного постмодерна к вертикали иерархии. В этом смысле восстанавливает иерархичность и осмысленность мира, который заложен в мир изначально. Что еще можно заметить? Изменение масштаба духа и субъекта, несущего дух в себе, можно прочесть как холос. Миф во втором квадрате превращается в некоторую науку, начинаем его осмыслять, мифология превращается в некоторый сценарный анализ, а мифология, которую мы принимаем как инструкцию жизни и исполняем ее, превращается в нашу индивидуальную мифологию. Очень важно видеть, что великий дух стремится воплотиться в индивидуальный, и каждый четвертый шаг – это всегда реализация через индивидуума. Каждый из нас существует через свою мифологию со своей логикой, то есть со своим способом применения

логистики и логики, со своей топологией, то есть со своим уникальным пространственным маршрутом в этой жизни.

В этой же модели можно представить теорию Гегеля о народном духе, и в этом смысле – это уже политическая теория, политическая философия, которую он же, великий, между прочим, русофоб, осмыслил как правление в премодерне восточного влияния, влияния, которое организовано через аристократию, через единого правителя, через жесткую авторитарную власть, влияние правления, способ устройства общества, которое происходит в эпоху модерн – это управление свободными гражданами. Но не все люди – свободные граждане, есть рабы, есть какие-то люди, которые гражданами не являются. Постмодернистский мир – это управление, которое организуют все граждане, но опять же только те, которые являются гражданами закрытого общества, и славянский дух, славянский мир, который пророчил Гегель, это тот способ влияния, при котором влияние организуют все люди, что, в общем-то, уже является отправлением понятию «собор». Следует еще вспомнить, что ровно сто лет назад, в 1922 году, Шпенглер опубликовал второй том книги «Закат Европы» и отзывался о русском духе как о духе еще очень молодом, это в то время, когда уже предрекал закат Европы, он говорил о том, что русский дух еще очень молод, ему еще только предстоит раскрыться во всю его силу, когда наступят его времена. Времена настали.

Итак, существуют циклы превращений, циклы превращений изначально сингулярны, несут в себе инвариативность, четверичность, определяют смысл и феноменальные вещи, если мы говорим, что север – метамодерн, то есть то, что является славянским, русским духом, является категорией топос, то топос определяется как пресуппозиция, диспозиция, композиция, экспозиция, то есть мы способны позиционным образом пространственно определять образы идей. Конечно, это еще связано с определенной чудесностью, которую можно интерпретировать в той же модели через алхимию Юнга, либо движение архетипов, по большому счету способов для определения функции сил в этой модели достаточно много. Если вернуться к российским основаниям, хочется вспомнить понятие «хронотоп», которое определил впервые Алексей Алексеевич Ухтомский, русский психолог и нейрофизиолог, определил как некоторое органически-физиологическое явление, соответствующее теории относительности Эйнштейна, которая позволяет соединить пространство и время в жизни человека, и только после того как Алексей Алексеевич Ухтомский определил хронотоп как явление человека физиологически обоснованное, Ми-

хаил Бахтин перевел это понятие в гуманитарную сферу и определил, как в литературном жанре, большом философском дискурсе понятия «событие», которое является следствием синхроничности смысла времени и места. Чудесное, метамодернистское, уникальное, сакральное происходит, когда наступает энергия, наступает синхроничность, вот что такое движение хронотопа.

Если уж мы говорим о Михаиле Бахтине, конечно, стоит вспомнить и определение соборности самого Бахтина, потому что сегодняшним местом встречи стал собор. Бахтин определял соборность как традицию, которая реализуется прежде всего в семье, семейном совете, семейный совет входит в состав вече, которое является храмом. Когда нам удастся договориться, это завершает строительство собора или, иначе, собор становится храмом. Можно еще сказать, что философский собор следует определять через мудрость, через Софию, и в этом смысле в православии философский собор – это, конечно, ровно в той же модели движения смыслов. Это от Софии, Веры, Надежды, Любви. Любовь соединяет в себе все четыре ипостаси мудрости, содержит в себе Веру, Надежду, Любовь. Можно еще сказать, что русская Троица, в общем-то, тоже четверична, как это ни парадоксально. Отец, Сын, Святой Дух обретают место и жизнь на пространстве иконы, и опять топос, опять пространство, опять плоскость. Где помещаются те три, которые нам заметны, это четвертая малозначимая часть, которая определяет незавершенность, полный цикл и единство всех четырех парадигм.

Если вернуться к хронотопам, можно сказать еще много интересного, потому что хронотоп – это одно из онтологических оснований русской мысли, русской философии, которое говорит о ее чудесных, волшебных свойствах, и чудеса определены не магическим жестом, определены самим способом существования Вселенной. Вселенная всегда находит способ движения с первого квадрата в четвертый квадрат, хологенез всегда говорит, что есть путь простой и легкой, то есть будет состояние премодерна, состояние храма, состояние сакрального переживания, священного переживания, он может быть лишен длинной аналитической работы, оставаясь в феноменологическом опыте или являя собой философию опыта, философию переживания, то, что, прежде всего, требует самого переживания. Мы можем каким-то образом говорить о том, что же такое русская идея. Русская идея – это завершенность процесса любой жизни сущности или жизни любой сущности, потому что, что бы мы ни жили, что бы мы ни мыслили, все проживается одинаково, одним и тем же способом. Это и схема, которую предлагаю, является аргументом для русской идеи, с помощью которой можно мыслить обо всем. Мы можем

говорить, что хронотоп – это когда-то там, это где-то очень далеко, но это всегда здесь и сейчас, и в этом смысле все, что требует нашего осмысления, решения индивидуального, группового, командного, общественного, общего. Оно всегда здесь и сейчас. Оно содержит в себе энергию, физиологию, сценарий и жанр, который воплощается в события.

Русская философия, русская идея – это идея события. Можно, конечно, произнести «со-бытия». Хронотоп содержит в себе время, скорость, ритм и гармонию. В этом смысле движение духа собирает эти качества, и чем хорош метамодерн как объединяющая, интегрирующая, синтезирующая идея, это тем, что в отличие от метамодерна все остальные стадии боролись между собой, все остальные стадии были формами линейного движения или перевоплощения одной стадии в другую, они боролись, они отрицали, они представители разных стадий. А еще один великий русский, Питирим Сорокин (которого в том числе Александр Гельевич вспоминал), как социолог говорил, что мы живем в некотором общезитии. Это значит, что все четыре эпохи проявлены у нас одновременно, что они не существуют где-то в прошлом, что прямо рядом с нами есть люди, которые тотально живут в премодерне, кто-то творческий живет в постмодерне, кто-то уже оказался в метамодерне, перейдя легким путем из первого квадранта в четвертый, но никак не может наладить контакт с постмодернистским существованием, ведь важно, что, оказавшись в этой самой русской соборности, в духовности, в завершенности русской идеи, мы никак не отрицаем идею Запада, Юга, Востока. Между прочим, когда я говорю, что русская идея – это идея северная, это в том числе некоторое осмысление и продолжение вечного русского дискурса о евразийности русской философии. Я считаю, что идея евразийности – это понижение логического уровня, это осмысление вопроса Восток – Запад. Если русские себя осознают как некоторую промежуточную территорию между Востоком и Западом, то это не значит, что мы Евразия, потому что Евразия – это континентальный принцип. А если говорить по сторонам света, то мы Север, и как будто бы философия Севера существует, и русская идея – это время Севера.

Доклад 58.

Русская идея и проблема национального самосознания в деревенской прозе

Наталья Алексеевна Кисель

Кандидат филологических наук, доцент Донского Государственного Технического Университета.

Здравствуйте, уважаемые участники Философского Собора, посвященного такому большому смыслу – русской идее! По мере возможности я слушала доклады, и меня вдохновило это многообразие умных и мудрых людей, русских и российских, которые действительно очень самобытны и неповторимы. Каждый по-своему оценивает смысл этого великого культурного символа России – русской идеи. Я со своими скромными возможностями, потому что я не философ, а филолог, хотела бы тоже присоединиться к вашему размышлению, к вашим думам о России с тем, чтобы для себя и для вас попытаться ответить на этот вопрос – что же есть такая русская идея, опираясь на философскую традицию осмысления этого понятия, в том числе на традицию литературы, современной и классической. Начиная свой доклад, я хотела бы обратиться к эпиграфу своего доклада: «... *все дело в воплощенной тоске – мечте – беде – целой стихии – России*» (М. Цветаева).

Дело в понимании эмоциональной русской идеи, основанной на культурном самоопределении, самоидентификации. Духовная традиция русской идеи в поисках внутренней и нравственной правды, имеющей разрозненные, разнонаправленные силы общества. То, что объединяло в самых сложных кризисных ситуациях Россию, народ, интеллигенцию, как раз этим и является – множественным смыслом становящейся, открытой, незавершенной русской идеи. К русской идее всегда обращались как к спасению, с мыслями о России, которую нужно хранить и спасти в каких-то кризисных ситуациях. И всегда в этих размышлениях, в этих поисках истина была христовцентрична, с мыслью о том, что высшая истина Русской идеи – это истина пути, правды и жизни. На этой истине всегда держалась Россия на протяжении своей многотрудной трагической истории, начиная со времен Крещения,